

Б. А. УСПЕНСКИЙ

ЗАУМНАЯ РЕЧЬ У СУМАРОКОВА

*Анатолию Алексеевичу Алексеёву
к семидесятилетию*

После коронации Екатерины II (22 сентября 1762 г.) и в ознаменование этого события на масленицу 1763 г. в Москве был устроен маскарад «Торжествующая Минерва». Организатором маскарада был Ф. Г. Волков, в его подготовке участвовали А. П. Сумароков и М. М. Херасков. Тогда же была опубликована брошюра, где, помимо объявления о маскараде (сохранившегося не во всех экземплярах брошюры), содержатся «Стихи к большому Маскараду», «Описание большого маскарада» и «Хоры»¹. В конце «Стихов к большому Маскараду» значится имя автора: «Сочинял М. Херасков»². В конце «Описания большого маскарада» появляется имя Волкова: «Изображение и распоряжение маскарада Ф. Волкова». Наконец, в конце «Хоров» сказано: «Только одни хоральные песни в сем маскараде сочинения ***». Автором «хоральных песен», скрывшим свое имя под тремя звездочками,

Борис Андреевич Успенский, Высшая школа экономики (Москва).

¹ См.: [Торжествующая Минерва 1763]. — Точные даты московского маскарада неизвестны. На титульном листе данной брошюры значится, что маскарад был представлен «в Москве 1763. года, генваря дня», т. е. обозначены год и месяц без указания числа (перед словом «дня» стоит пропуск; очевидно, число должно было быть вписано или добавлено штемпелем). Вместе с тем в объявлении о маскараде, напечатанном в одном из вариантов этой брошюры (так называемый вариант *А*), указано, что маскарад должен был состояться в последних числах января и в первых числах февраля: «Сего месяца 28. 30 февраля 1. и 2., то есть во вторник, в четверток, субботу и воскресенье»; в другом варианте (вариант *Б*) число «28» и слова «во вторник» закрашены типографской краской; наконец, в третьем варианте (вариант *В*) объявление напечатано вновь по исправленному тексту, т. е. без цифры «28» и слов «во вторник» (см.: [Мельникова 1966: 47—48, № 206; Св. кат. XVIII в., III: 236, № 7306]). В любом случае маскарад был приурочен к масленой неделе; скорее всего, он состоялся 30 января, 1 и 2 февраля 1763 г. по старому стилю.

² Фамилия Хераскова указана лишь в одном из вариантов этого издания (вариант *В*); в другом варианте (вариант *Б*) автор «Стихов...» обозначен инициалами «М. Х.», в третьем же (вариант *А*) он обозначен звездочкой [Мельникова 1966: 47—48, № 206; Св. кат. XVIII в., III: 236, № 7306].

считается А. П. Сумароков. Н. И. Новиков поместил «Хоры. К большому маскараду, бывшему в Москве в 1763. годе» в подготовленное им полное собрание сочинений Сумарокова³; кроме того, сохранилась запись расходов на маскарад, по которой деньги были выданы как Волкову, так и Сумарокову⁴. Авторство Сумарокова, таким образом, не вызывает сомнения.

Один из «Хоров», сочиненных А. П. Сумароковым носит название «Хор ко гордости»; хористы, можно думать, были наряжены бесами и пели на заумном языке, который призван был, по-видимому, имитировать бесовскую речь. И то и другое отвечало народной традиции: на святках и масленице, т. е. в традиционное время языческих по своему происхождению увеселений, принято было рядиться в бесов и в нечистую силу⁵; при этом бесам и разного рода демонам традиционно приписывалась заумная речь⁶.

Приведем текст «Хора к гордости»:

Гордость и тщеславие выдумал бес.
Шерин даберин лис тра фа,
Фар фар фар фар люди ер арцы,
Шинда шиндара,
Транду трандара,
Фар фар фар фар фар фар фар ферт.

Сатана за гордость низвержен с небес.
Шерин даберин лис тра фа,
Фар фар фар фар люди ер арцы,
Шинда шиндара,
Транду трандара,
Фар фар фар фар фар фар фар ферт⁷.

³ [Сумароков 1781—1782, VIII: 354—364; Сумароков 1787, VIII: 335—344].

⁴ См.: [Всеволодский-Гернгросс 1953: 46].

⁵ Бесовские личины, вообще говоря, более характерны для святочных, а не для масленичных увеселений, но святочные и масленичные обряды так или иначе ассоциировались в культурном сознании. Вообще московский маскарад 1763 г. был достаточно эклектичен: если одни его участники, возможно, изображали бесов, то другие представляли аллегорические образы, античных мифологических персонажей, карточные фигуры и т. п.

⁶ Вот, например, как изъясняются бесы в «Воительнице» Н. С. Лескова: «Шурле-мурле, шире-мире-кравермир, — орет один [бес]» [Лесков I: 210]. Примеры такого рода могут быть умножены, но для нас особый интерес представляет отражение речи бесов не в фольклорной традиции (в «быличках», т. е. меморатах), а в собственно литературных произведениях, каковыми и являются сочинения Сумарокова и Лескова. Относительно представлений о речевом поведении бесов и нечистой силы см. вообще: [Успенский 2012].

⁷ [Торжествующая Минерва 1763, л. нумерованный; Сумароков 1781—1782, VIII: 362; Сумароков 1787, VIII: 342]. В публикациях Н. И. Новикова сочетание *шерин да берин* пишется раздельно как три слова; такого правописания и мы далее будем придерживаться.

Каковы же истоки заумной речи у Сумарокова? Принято думать, что в них отразилось знакомство поэта с глоссолалическими речениями русских сектантов. «*Шерин да берин* и т. д. — подобные “заумные слова” в близкой редакции встречались в экстатических песнях русских сектантов-мистиков», — писал П. Н. Берков, комментируя это сумароковское произведение⁸, и, соответственно, А. П. Квятковский видел здесь сатирическое обличение русских сектантов⁹.

Это объяснение не кажется убедительным. Заумная речь «Хора к гордости» очень мало напоминает экстатическое языкоговорение русских сектантов¹⁰. Кроме того, у нас нет никаких свидетельств о знакомстве Сумарокова с этим явлением¹¹.

Вместе с тем сумароковская заумь в целом ряде случаев находит литературные параллели.

Так, отражение фразы «Шерин да берин лис тра фа» мы находим у Державина в «Желании зимы» (1787):

Ори *ширень да вирень*,
Да *лист*, братцы, *трава*...
О пьяна голова!¹²

Равным образом в прозаическом эскизе Державина «Видение мурзы» (1783 гг.) читаем: «Иногда шатался я ⟨...⟩ по улицам и пел *ширень да вирень*»¹³.

Если *ширень вирень* — это, видимо, глоссолалический припев в песне, вроде *ой люли, овсень таусень* и т. п., то *лис тра фа* в «Хоре к гордости», вероятно, восходит к *лист трава* в этой песне. Не исключено, что здесь имеет место искажение слов, характерное для представлений о речевом поведении демонов¹⁴. Приходится признать тогда, что речеговорение бесов восходит к народной песне¹⁵.

⁸ В изд.: [Сумароков 1957: 559].

⁹ См.: [Квятковский, 1966: 113] (статья «Заумь»).

¹⁰ Ср. материал по сектантскому глоссоговорению, собранный в работе: [Коновалов 1908].

¹¹ Правда, нечто вроде радений, сопровождаемых говорением на «странных языках», наблюдалось в 1730-е гг. среди стариц московского Ивановского монастыря [Коновалов 1908: 162—163], но Сумароков едва ли был туда вхож. В высшие слои общества это явление проникает много позже — при Александре I (кружок Е. Ф. Татариновой).

¹² [Державин, III: 266].

¹³ [Державин, III: 490].

¹⁴ Так, например, домовый может говорить отдельными слогами, представляющими собой усеченные слова: когда его спрашивают, к худу или к добру он явился, он отвечает: *к до, к лу* [Добровольский 1914: 179]; ср.: [Черепанова 1996: 39—40, №№ 75, 88]. Примеры такого рода могут быть умножены (см.: [Успенский 2012]).

¹⁵ Можно предположить, что в сочетании *шерин да берин* у Сумарокова зафиксирована исконная форма глоссолалического сочетания, т. к. здесь прослеживается

Вместе с тем интересующее нас выражение встречается в детском фольклоре. Так, среди детских песен, опубликованных в свое время П. А. Бессоновым, мы встречаем следующую:

Шырин, вырин,
Христофор,
Фор, фор
Ер, ерцы
Шинда, шиндара,
Лапушка моя!
Пей,
Лей
Зелено вино!¹⁶

Сокращенный вариант той же песни был записан П. И. Якушкиным:

Ширин-бирин, Христофор-фор-фор
Герци-герци, шиншин ро-ро-ро,
Я там был жил, пил зелено вино-о-о¹⁷.

Отметим еще сочетание *шарин-барин* в детских считалках¹⁸.

Вариант Бессонова, несомненно, более полон и в большинстве случаев более надежен. Слово *герци* в варианте Якушкина восходит, конечно, к слову *ерцы* в варианте, записанном Бессоновым (название буквы *p*)¹⁹, тогда как сочетание *шиншин ро-ро-ро* у Якушкина восходит, можно думать, к слову *шиндара*, встречающемуся как в публикации Бессонова, так и в сумароковском «Хоре к гордости». Слово *шиндара́* зафиксировано в диалектной речи со значением ‘шваль, шушваль’²⁰, но это может быть случайным совпадением; более близкой аналогией представляется разговорное *шандарахнуть* ‘ударить, шарахнуть, долбануть’.

чередование шипящего и билабиального согласного, характерное для эмфатических звуковых повторов типа *шалды-балды*, *шалтай-болтай*, *шуры-муры*, *шишел-мишел* и т. п. (см.: [Якобсон 1921: 55—56]; ср. также: [Plähn 1987]). Вместе с тем возможно и другое объяснение, согласно которому слова *ширень* *вырень* представляют собой оформление слов *ширь* и *выр/вир* со значениями ‘ширина’ и ‘глубина’. При таком объяснении исходная форма оказывается у Державина.

¹⁶ [Бессонов 1868: 80, № 80].

¹⁷ [Якушкин П.: 145, № 343]. Помещено здесь в разделе «Детская поэзия».

¹⁸ См.: [Виноградов 2009: 371].

¹⁹ Ср. вариативные формы типа *генерал* — *енерал*, *герой* — *ерой* и т. п. (см. о них: [Шахматов 1925: 46]). Форма *герци* отражает фрикативное произношение буквы *z*, предполагавшееся при обучении азбуке (см.: [Успенский 2002: 155—159, § 7.6]). Протетическое [γ] может переходить в [j], и наоборот. — О слове *ерцы* как названии буквы *p* см. вообще: [Успенский 1997: 251].

²⁰ [Даль IV: 1434].

Так же, как и у Державина, сочетание *шырин вырин* (или *ширин бирин*) фигурирует в детской песне, записанной Бессоновым и Якушкиным, в контексте похмелья. Для нас особенно значимы прямые переключки с сумароковским текстом: так же, как и в «Хоре к гордости», мы находим здесь сочетание *шинда, шиндара*; нетрудно предположить, далее, что *фар фар фар фар* у Сумарокова соответствует *фор фор* в детском фольклоре (*Христофор фор фор фор*)²¹.

Сочетание *шинда, шиндара* встречается и в другой детской песне, опубликованной Бессоновым, — и, опять-таки, в связи с пьянством:

Шилды,
Будылды,
Нáчеки,
Чекалды;
Шильцо
Да мьльцо,
Белье
Белильцо;
Шильники
Мьльники,
Шиновалы
Коновалы,
Господа наши
Бояре;

²¹ Фольклорная традиция нашла отражение в припеве солдатской «Песни после ученья», сочиненной унтер-офицером Невского пехотного полка Н. Ф. Веревкиным:

Ширин, вырин, ристафор,
Фор, фор, фор, ер, ер, ерцу,
Ширин ди рай,
Рай, рай, рай,
Раз таки раз,
Радости, веселости мои!
[Веревкин 1837: 92]

В свою очередь, песня Веревкина отразилась затем у Козьмы Пруткова в «Военных афоризмах Фаддея Козьмича Пруткова»:

Если прострелят тебя в упор,
Пой: Ширин, верин, ристофор!
[Козьма Прутков 1965: 105, № 40, ср. с. 440—441]

Ср. еще в том же сочинении Козьмы Пруткова:

Ширин, вырин, штык молодец —
Не могу боле — приходит конец.
[Там же: 112, № 100]

*Шинда. шиндара,
Ра, ра, ра;
Я там был,
Жил,
Пил
Зелено вино
Котлом, котлом!*²²

Можно предположить, что мотив пьянства в детском фольклоре восходит к традиционным формулам фольклорных текстов (таким, как «И я там был, мед-пиво пил, по усам текло, да в рот не попало» и т. п.); равным образом упоминание «листа» и «травы» у Державина, отразившееся, по-видимому, в сочетании *лис тра фа* у Сумарокова, может восходить к заклинанию «Стань передо мной как лист перед травой»²³.

Наконец, как у Сумарокова, так и в песне, дошедшей до нас в записях Бессонова и Якушкина, обыгрываются глоссолалические сочетания, образующиеся из названий славянских букв при чтении по складам, которые отражают процесс обучения грамоте: *люди ер арцы* и *ферт* у Сумарокова; *ер ерцы* в записи Бессонова²⁴. Характерно, что такого рода сочетания встречаются в детских считалках и вообще в детском фольклоре²⁵, так-

²² [Бессонов 1868: 75—76, № 79]. Сочетанию *шилды будылды* в этой песне соответствует *шилдышивалды* в «Военных афоризмах...» Козьмы Пруткова [Козьма Прутков 1965: 110, № 78]. Отметим в этой связи *шалды балды, шулды булды* и *шалды будавалды* в детских считалках, см.: [Виноградов 2009: 264, а также с. 456 (№ 268), 441 (№ 208)].

²³ Это заклинание известно как в сказках, так и в народной магии. Так, этими словами сказочный герой вызывает волшебного коня (в сказках «Буря-богатырь Иван коровий сын» или «Об Иванушке-дурачке» — [Афанасьев I: 219, 221, № 136; III: 246, № 564]; сходным образом вызывают домового: «Хозяин, стань передо мной как лист перед травой: не черен, не зелен, а таким, каков я...» [Даль 1904, IV: 198]; так принято по сей день говорить детям (ср. также примеры из литературных источников: [Михельсон I: 134, № 409]). В основе этого выражения лежит, по-видимому, представление о волшебном вихре, мгновенно приносящем того, кто призывается таким образом, — подобно листу, приносимому ветром.

²⁴ Ср. также *ер, ер, ерцу* в песне Н. Ф. Веревкина (см. выше, примеч. 21), очень близкой вообще к варианту Бессонова.

²⁵ «Аз, буки-башки / Веди — таракашки / Глаголь — кочерыжки / Побег по дорожке / Ер, еры — упали с горы / Ер, ять — некому поднять / Ерь, юс — сам поднимусь / Буки, бабаки / Съели собаки...» [Можаровский 1882: 100—103; 1877: 134; Капица 1928: 96], ср.: [Бессонов 1868: 51, № 58; Виноградов 2009: 271 и 455—456, № 266; Якобсон 1966: 631]; «Аз-буки — букашки / Веди — таракашки / глаголь — душки / добро — шанежки» [Зеленин 1901: 84]. Ср.:

Ох, кости болят, все суставы говорят!
Петрушка, Гаврюшка, Семиониха,

же как и в детских условных языках, криптолалический характер которых в целом ряде случаев образуется за счет вставки в обычную речь названий букв²⁶. Ср. пародийный образ самого Сумарокова у Третьяковского в «Письме (...) от приятеля к приятелю» (1750): «Я, сударь, дорогой старичок, по имени Архисотолаш, по отчеству Филавтонович, по прозвищу Кривобаев, а по художеству мал... мал... яр, .., яр еры юс», «О! Господин мал... мал... по художеству, и яр еры юс по тому ж», «Разве, Господин мал... мал... и яр еры юс по художеству, зло у тебя добром...?»²⁷.

Мы видим, что почти все элементы заумной речи сумароковского «Хора к гордости» — за одним только исключением — восходят к фольклорной традиции. Исключением является сочетание *транду трандара*; с вероятностью можно предположить, что и оно имеет тот же источник²⁸. При этом слово *транда* известно в значениях ‘чепуха, вранье’, так же как и в значении ‘vulva’²⁹; что же касается *трандара*, то это слово явно образовано из *транда*, т. е. объясняется как экспрессивно-стилистическое наращение.

Ты, Макарьевна, да ты, Захарьевна!

Буки — ерб, веди — ерв, глаголь — ерг, добро — ерд.
[Якушкин II: 141, № 321]

Сочетания «буки — ерб», «веди — ерв» и т. п. отражают правила чтения слогов с ерами (*бъ, вь* и т. п.) при обучении грамоте (см.: [Успенский 1997: 248—250]).

²⁶ В детских тайных языках можно наблюдать такие, например, вставки, как *фита, ша, цы, фарты* (из *ферт*) и т. п. (см.: [Успенский 1997: 252—253]). Аналогичное явление имеет место и в других условных языках; так, в «отвернической говорке» белорусских нищих в речь вставлялись такие сочетания, как *хер, ша, це* и т. п. [Романов 1890: 126]; относительно эпитета *отверницкий* как названия тайного языка см. [Архипов 1995].

²⁷ [Третьяковский 1865: 497—498] (многоточия в цитируемых текстах принадлежат оригиналу). См.: [Якобсон 1966: 631; Гринберг, Успенский 2008: 254—255].

²⁸ Ср. в детских считалках: *трунди трунди, трынды вынды* (см.: [Виноградов 2009: 472, 560, №№ 307, 494]).

²⁹ [Фасмер IV: 93; <http://enc-dic.com/synonym>; <http://www.slovonovo.ru>]. Слово *транда* встречается у Бунина при передаче диалектной речи (в повестях «Деревня» и «Ночной разговор» [Бунин III: 45, 270]). Мы благодарны М. С. Гринбергу, обратившему на это наше внимание.

Производными от *транда* являются разг. *трандеть* ‘молоть чепуху’, *трендеть* ~ *трындеть* ‘болтать’. Ср. также диал. *трандаты* ‘пустословить’ [Куликовский 1898: 118], *тарантить* ~ *тарантеть* ‘тараторить’ [Даль IV: 725; СРНГ, XLIII: 278] и т. п.

Л и т е р а т у р а

Архипов 1995 — А. А. А р х и п о в. О происхождении древнеславянской тайнописи // А. Архипов. По ту сторону Самбатона: Этюды о русско-еврейских культурных, языковых и литературных контекстах в X—XVI веках. [Oakland, California, 1995] (= «Monuments of Early Russian Literature». Vol. 9). С. 133—145.

Афанасьев I—III — А. Н. А ф а н а с ь е в. Народные русские сказки в трех томах / Изд. подгот. Л. Г. Бараг и Н. В. Новиков. Т. I—III. М., 1984—1985.

Бессонов 1868 — [П. Б е с с о н о в]. Детские песни. I. [М., 1868].

Бунин I—IX — И. А. Б у н и н. Собрание сочинений в девяти томах. М., 1965—1967.

Веревкин 1837 — Н. В е р е в к и н. Солдатские песни Первого пехотного корпуса // Библиотека для чтения. Т. 20. 1837, № 1. (Отдельное литографированное издание: Вильно, 1837.)

Виноградов 2009 — Г. С. В и н о г р а д о в. Русский детский фольклор // Г. С. В и н о г р а д о в. Этнография детства и русская народная культура в Сибири. М., 2009. С. 243—593.

Всеволодский-Гернгросс 1953 — В. В с е в о л о д с к и й - Г е р н г р о с с. Ф. Г. Волков и русский театр его времени // Ф. Г. Волков и русский театр его времени: Сборник материалов. М., 1953. С. 7—50.

Гринберг, Успенский 2008 — М. С. Г р и н б е р г, Б. А. У с п е н с к и й. Литературная война Третьяковского и Сумарокова в 1740-х — начале 1750-х годов // Б. А. У с п е н с к и й. Вокруг Третьяковского: Труды по истории русского языка и русской культуры. М., 2008. С. 219—318.

Даль I—IV — В. Д а л ь. Толковый словарь живого великорусского языка. Изд. 3-е, испр. и значительно доп. под ред. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. Т. I—IV. СПб.; М., 1903—1909. (Репринт: М., 1994.)

Даль 1904, I—IV — В. Д а л ь. Пословицы русского народа. Изд. 3-е, т. I—IV. СПб.; М., 1904 (на обложке — 1905 г., на титульном листе — 1904 г.).

Державин I—VII — Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. 2-е академическое издание (без рисунков). Т. I—VII. СПб., 1868—1878.

Добровольский 1914 — В. Н. Д о б р о в о л ь с к и й. Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914.

Зеленин 1901 — Д. К. З е л е н и н. Особенности в говоре русских крестьян юго-восточной части Вятской губернии // Живая старина. 1901, вып. 1. С. 81—96.

Капица 1928 — О. И. К а п и ц а. Детский фольклор. Л., 1928.

Квятковский 1966 — А. К в я т к о в с к и й. Поэтический словарь. М., 1966.

Козьма Прутков 1965 — К о з ь м а П р у т к о в. Полное собрание сочинений / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. П. Н. Беркова. М.; Л., 1965.

Коновалов 1908 — Д. Г. К о н о в а л о в. Религиозный экстаз в русском мистическом сектантстве. Ч. I, вып. 1. Физические явления в картине сектантского экстаза. Сергиев Посад, 1908.

Куликовский, 1898 — Г. К у л и к о в с к и й. Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.

Лесков, I—XI — Н. С. Л е с к о в. Собрание сочинений в одиннадцати томах. М., 1956—1958.

Мельникова 1966 — Н. Н. М е л ь н и к о в а. Издания, напечатанные в типографии Московского университета: XVIII век. М., 1966.

Михельсон, I—II — М. И. М и х е л ь с о н. Русская мысль и речь: свое и чужое. Опыт русской фразеологии (Сборник образных слов и иносказаний). Т. I—II. [СПб., б. г.].

Можаровский 1877 — А. Ф. М о ж а р о в с к и й. Очерки жизни крестьянских детей Казанской губернии в их потехах, остротах, стихках и песнях // Труды Этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском Университете. Кн. IV. 1877. С. 102—129.

Можаровский 1882 — А. Ф. М о ж а р о в с к и й. Из жизни крестьянских детей Казанской губернии. Казань, 1882.

Романов 1890 — Е. Р. Р о м а н о в. Очерк быта нищих Могилевской губернии и их условный язык («любецкий лемент») // Этнографическое обозрение. Кн. VII. 1890, № 4. С. 117—145.

Св. кат. XVIII в., I—V — Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII в. Т. I—V. М., 1963—1967. (То же: Дополнения, разыскиваемые материалы, уточнения. М., 1975.)

СРНГ I—XLIII — Словарь русских народных говоров. Вып. I—XLIII. Л./СПб., 1965—2010.

Сумароков 1781—1782, I—X — Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе [...] Александра Петровича Сумарокова. Собраны и изданы в удовольствие Любителей Российской Учености Николаем Новиковым [...]. Ч. I—X. М., 1781.

Сумароков 1787, I—X — Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе [...] Александра Петровича Сумарокова. Собраны и изданы в удовольствие Любителей Российской Учености Николаем Новиковым [...]. Ч. I—X. Изд. 2-е. М., 1787.

Сумароков 1957 — А. П. С у м а р о к о в. Избранные произведения / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. П. Н. Беркова. Л., 1957.

Торжествующая Минерва 1763 — Торжествующая Минерва, общенародное зрелище, представленное большим маскарадом в Москве 1763. года, генваря дня. Печатано при Императорском Московском Университете, [1763].

Третьяковский 1865 — [В. К. Т р е т ь я к о в с к и й]. Письмо, в котором содержится рассуждение о стихотворении, поныне на свет изданном от автора двух од, двух трагедий и двух эпистол, писанное от приятеля к приятелю 1750. в Санктпетербурге // А. К у н и к. Сборник материалов для истории императорской Академии наук в XVIII веке. Ч. II. СПб., 1865. С. 435—500.

Успенский 1997 — Б. А. У с п е н с к и й. Старинная система чтения по складам (Глава из истории русской грамоты) // Б. А. У с п е н с к и й. Избранные труды. Т. III. Общее и славянское языкознание. М., 1997. С. 246—288.

Успенский 2002 — Б. А. У с п е н с к и й. История русского литературного языка (XI—XVII вв.). Изд. 3-е, испр. и доп. М., 2002.

Успенский 2012 — Б. А. У с п е н с к и й. Облик черта и его речевое поведение // In umbra: Демонология как семиотическая система. Альманах. Вып. I / Отв. ред. и сост. Д. И. Антонов и О. Б. Христофорова. М., 2012. С. 16—65.

Фасмер I—IV — М. Ф а с м е р. Этимологический словарь русского языка. Т. I—IV / Пер. и дополн. О. Н. Трубачева. М., 1964—1973.

Черепанова 1996 — Мифологические рассказы и легенды Русского Севера / Сост. и автор комм. О. А. Ч е р е п а н о в а. СПб., 1996.

Шахматов 1925 — А. А. Ш а х м а т о в. Очерк современного русского литературного языка. Л., 1925.

Якобсон 1921 — Р. Я к о б с о н. Новейшая русская поэзия. набросок первый. Прага, 1921.

Якобсон 1966 — P. Я к о б с о н. Влияние народной словесности на Третьяковского // R. J a k o b s o n. Selected Writings. Vol. IV. Slavic Epic Studies. The Hague—Paris, 1966. С. 631—634.

Якушкин I—II — Собрание народных песен П. В. Киреевского. Записи П. И. Якушкина. Т. I—II / Подгот. текстов, предисл., коммент. З. И. Власовой. Л., 1982—1986.

Plähn 1987 — J. P l ä h n. Хуйня-муйня и тому подобное // Russian Linguistics. Vol. XI. 1987, № 1. P. 37—41.

BORIS A. USPENSKIJ
(Higher School of Economics)

SUMAROKOV'S NONSENSE LANGUAGE

The author analyzes glossolalic verses in Sumarokov's poetry and traces their folkloric origins.

Keywords: Sumarokov's poetry, nonsense language, glossolalia, demonic speech, children's folklore